

Японские исследования. 2019. №2. С. 109–126.

Japanese Studies in Russia, 2019, 2, pp. 109–126.

DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10014

Японское присутствие на Дальнем Востоке России накануне и в начале Второй мировой войны*

В.Г. Дацышен, А.А. Ипеева

Аннотация. Работа посвящена истории советско-японских отношений накануне и в начале Второй мировой войны. В статье рассматриваются проблемы японского присутствия на Дальнем Востоке России. Достигнув своего пика в годы Гражданской войны и иностранной интервенции в России, японское присутствие с 1922 г. неуклонно снижалось. Выявленные в дальневосточных архивах документы подтверждают озвученные российскими историками тезисы о выезде японцев из СССР в 1920-х –1930-х годах, сворачивании их хозяйственной деятельности и закрытии японских консульских учреждений (в Новосибирске, Одессе и др.). Период межвоенного времени характеризуется постепенным ростом советско-японских противоречий, в значительной мере определивших вхождение двух государств в противостоящие военно-политические блоки. А репрессии конца 1930-х годов и советско-японские военные конфликты имели своим следствием почти полное исчезновение японских мигрантов в СССР. В отечественной историографии исследователи указывают на постепенное, поэтапное исчезновение японских мигрантов в СССР с середины 1920-х по 1937 г. Однако японцы на территории СССР накануне и в начале Второй мировой войны всё-таки присутствовали. В начале 1940-х годов на Дальнем Востоке СССР действовали консульские учреждения Японии и Маньчжоу-го, японцы работали на угольных, нефтяных и рыболовных концессиях (т.к. советская власть столкнулась с нехваткой рабочих рук на рыбопромышленных предприятиях), отдельные японцы проживали во Владивостоке и других советских городах или, будучи осуждёнными, находились в местах заключения, также некоторые японцы из рядов инженеров и преподавателей были официально приглашены для работы в СССР в 1920-е годы. Но вопросы японского присутствия на Дальнем Востоке России в начале Второй мировой войны не получили освещения в отечественной историографии. Выявленные документы позволили восстановить историческую картину освобождения арестованных в начале Второй мировой войны в советских водах японских моряков. В результате исследования восстановятся забытые страницы истории японцев в России.

Ключевые слова: советско-японские отношения, концессии, японцы в России, Владивосток.

Авторы:

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Сибирский федеральный университет; профессор Хэбэйского педагогического университета; профессор Красноярского государственного педагогического университета. ORCID: 0000-0001-6471-8327. E-mail: dazishen@mail.ru

Ипеева Анастасия Александровна, ассистент кафедры всеобщей истории Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет. E-mail: didifgora@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-18-00017) в Институте востоковедения РАН.

Japanese presence in the Far East of Russia on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War**

V.G. Datsyshen, A.A. Ipeeva

Abstract. The work is devoted to the history of Soviet-Japanese relations before and at the beginning of the Second World War. The article explores the problems of the Japanese presence in the far East of Russia. Having reached its peak during the Civil War and foreign intervention in Russia, the Japanese presence has been steadily declining since 1922. The documents revealed in the Far Eastern archives confirm the theses about the departure of the Japanese from the USSR in the 1920s–1930s voiced by Russian historians, the curtailment of their economic activities and the closure of Japanese consular offices (Novosibirsk, Odessa, etc.). The interwar period is characterized by the gradual growth of the Soviet-Japanese contradictions, which largely determined the entry of the two states into the opposing military-political blocs. And the repressions of the late 1930s and the Soviet-Japanese military conflicts resulted in the almost complete disappearance of Japanese migrants in the USSR. In Russian historiography, researchers point to the gradual disappearance of Japanese migrants in the USSR from the mid-1920s to 1937. However, the Japanese were still present in the territory of the USSR on the eve and at the beginning of the Second World War. In the early 1940s, in the Far East of the USSR, there were consular offices of Japan and Manchukuo, the Japanese worked in coal, oil, and fishing concessions, some Japanese lived in Vladivostok and other Soviet cities or, being convicted, were in prison. Some Japanese engineers and teachers were officially invited to work in the USSR in the 1920s. Still, the issues of Japanese presence in the Far East of Russia at the beginning of the Second World War have not been covered in Russian historiography. Discovered documents allowed to restore the historical picture of the release of the Japanese sailors arrested at the beginning of the Second World War in Soviet waters. The study will restore the forgotten pages of the history of the Japanese in Russia.

Keywords: Soviet-Japanese relations, concessions, the Japanese in Russia, Vladivostok.

Authors:

Datsyshen Vladimir G., Doctor of Sciences (History), Professor and Chair, Department of general history, Institute of the Humanities, Siberian Federal University, Krasnoyarsk city, Russia; Professor Hebei Normal University, CPR; Professor Krasnoyarsk State Pedagogical University. ORCID: 0000-0001-6471-8327; E-mail: dazishen@mail.ru

Ipeeva Anastasiia A., Assistant of the Department of general history, Institute of the Humanities, Siberian Federal University, Krasnoyarsk city. E-mail: didifgora@mail.ru

Вторая мировая война стала важнейшим событием в истории русско-японских отношений. Возникшие в ходе этой войны проблемы и противоречия до сих пор вызывают различные толкования и споры. Последствия этой войны препятствуют полноценному развитию двусторонних отношений и в настоящее время. Политические и идеологические споры затрудняют восстановление исторической картины советско-японских взаимоотношений в противоречивое время начала 1940-х годов.

Одной из самых интересных страниц истории двусторонних отношений было развитие японского присутствия на Дальнем Востоке России. Завершение Первой мировой войны

** This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017) and done in the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

в 1918 г. не обеспечило мира на просторах Евразии. С первых же послевоенных лет шло вызревание противоречий и развитие конфликтов, приведших к новой мировой войне.

Межвоенное время характеризуется постепенным ростом советско-японских противоречий, в значительной мере определивших вхождение двух государств в противостоящие военно-политические блоки. Важным фактором двусторонних отношений кануна и начала Второй мировой войны было японское присутствие на Дальнем Востоке России.

Большинство исследований по теме японского присутствия на Дальнем Востоке России посвящено периоду Второй мировой войны и послевоенному времени, когда проблема японских военнопленных играла огромную роль в развитии двусторонних отношений во второй половине XX века. Что касается японского присутствия в межвоенный период, то обычно исследователи указывают на постепенное, поэтапное исчезновение японских мигрантов в СССР с середины 1920-х по 1937 г. Однако вопросы японского присутствия на Дальнем Востоке России в начале Второй мировой войны не получили освещения в отечественной историографии. Данная тема нашла отражение в трудах японских исследователей. Например, в диссертационном исследовании А. Такамура, посвящённом истории японской эмиграции, которое заканчивается утверждением: «В августе 1936 г. Япония и Германия начали переговоры о заключении антикоминтерновского пакта, и ГПУ были арестованы 8 японцев, включая буддийского священника. В июне 1937 г. всех японцев, кроме дипломатов, вынуждали возвратиться на родину» [Такамура, 2007, с. 18].

В отечественной науке и общественном мнении сложилось представление о полном исчезновении японцев накануне войны даже во Владивостоке. В качестве примера можно привести следующее утверждение: «В июне 1937 года произошло несколько боёв японских и советских войск в районе пограничного озера Ханка и на Амуре. В том же месяце Владивосток покинуло 11 последних японских семей и был закрыт единственный в городе буддийский храм. Его настоятеля Тоидзуми Кэнрю обвинили в спекуляции серебряными монетами и арестовали. В сентябре 1939 года, отсидев срок в советской тюрьме, этот японский монах вернулся на родину – он был последним подданным Страны восходящего солнца, завершившим историю японской диаспоры на Дальнем Востоке России» [Зачистка Дальнего Востока от азиатов].

Сохранившиеся документы указывают на то, что в начале Второй мировой войны японское присутствие на Советском Дальнем Востоке было значительным, и оно не исчезло даже во Владивостоке. Этим и был обусловлен выбор данной темы исследования.

Прежде всего отметим, что пик японского присутствия в России пришёлся на время японской военной интервенции во время Гражданской войны в России. В 1921 г. было зафиксировано следующее число японцев: Владивосток – 2415 м., 1946 ж., дв. 1250; Раздольное – 92 м., 37 ж., дв. 100; Шкотово – 65 м., 100 ж., 80 дв.; Новая речка – 255 м. и ж., 16 дв. [ГАЗК. Ф.Р-96. Оп.2. Д.93. Л.3].

подавляющее большинство проживавших в начале XX века на территории Дальнего Востока России японцев выехали на родину во время вывода японских войск в 1922 г., после проведения двух русско-японских конференций в Дайрене и Чанчуне.

В 1920-х годах имела место противоречивая ситуация с японским присутствием в СССР. Численность выезжавших на рыбные промыслы в Россию из Японии рабочих неуклонно снижалась, начиная с 1922 г. В 1922 г. выехало 21 772 японца и 2100 иностранцев, в 1923 г. –

19 647 японцев и 3200 иностранцев, в 1924 г. 17 219 японцев и 2700 иностранцев [Торгово-промышленный бюллетень Дальнего Востока. № 3. 1926. 15 мая].

В январе 1923 г. владивостокская газета сообщала: «9 января на пароходе «Хозан-Мару»¹ прибыли из Японии во Владивосток представители «Общества японских рыбопромышленников в водах русского Дальнего Востока, – С. Накамура и его помощник И. Акимото» [Голос Родины. 1923. 13 января]. После долгих переговоров на различных уровнях в апреле 1924 г. японские арендаторы признали свои долги и вновь приняли участие в торгах, получив в эксплуатацию 234 морских рыболовных и 14 краболовных участков, заплатив арендную плату в размере 12,7 млн руб. золотом.

20 января 1925 г. в Пекине послом Л.М. Караханом и японским посланником К. Ёсидзава была подписана «Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией». 1 апреля 1926 г. Политбюро утвердило протокол о японской иммиграции на Дальнем Востоке: «Разрешить, но осторожно» [ВКП(б), Коминтерн и Япония, 2001, с. 33].

Основанием для сохранения значительной японской миграции на российских территориях стали японские концессии и дефицит русских рабочих рук на советских рыбопромышленных предприятиях. В 1925, 1928 и 1932 г. подписывались рыболовные конвенции между двумя странами. Японские подданные получили право ловить, собирать и обрабатывать рыбу и водные продукты, кроме котиков и морских бобров, вдоль советского побережья Японского, Охотского и Берингова морей, приобретая на равных правах с гражданами СССР в аренду с публичных торгов определённые рыболовные участки. Торги должны были происходить ежегодно в феврале во Владивостоке. Японские промышленники получали также право использовать в пределах арендованных участков территорию побережья для починки судов, обработки рыбы и т.п. К началу 1930-х годов доминирующее положение в конвенционных районах заняла компания «Ничиро Гио-Гио Кабусики Кайша». Так, с 1932 г. она стала арендатором 97 % японских рыболовных участков на Камчатке. Оставшиеся 3 % находились в руках двух частных промышленников.

Советский японист О.П. Петрова вспоминала: «Я преподавала русский язык во Владивостоке японским рабочим, законтрактованным на сезонную работу на рыболовецких судах в Советском Союзе. Разговаривая ежедневно по-японски, я приобрела некоторую беглость речи и наивно полагала, что хорошо владею языком» [Петрова, 1996. с. 520].

Японские рабочие приезжали для разовых операций. Например, в 1926 г. было дано разрешение фирме «Сузуки» на ввоз 35 японских рабочих для погрузки леса в бухте Сизими при условии вывоза обратно рабочих тем же пароходом [РГИА ДВ. Ф. Р-2413. Оп. 4. Д. 1174. Л. 15].

Во второй половине 1920-х годов в СССР приезжали различные делегации инженеров, учителей, не говоря уже о политиках. В университете во Владивостоке всегда работали в качестве преподавателей или на других должностях японцы.

С конца 1920-х годов руководство СССР взяло курс на вытеснение японских рабочих с советских предприятий и с советской территории. Причин этому было несколько. Большевики не смогли наладить политико-пропагандистскую работу среди японских рабочих. В 1929 г.

¹ Здесь и далее японские имена собственные даются в написании, соответствующем источникам из библиографического списка.

партийное руководство дальневосточного края констатировало: «Работа среди японских рабочих совершенно отсутствует» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 67].

Большевики вынуждены были довольствоваться лишь использованием японцев в пропаганде внутри СССР. Осенью 1929 г. газета «Известия» опубликовала материалы с Камчатки: «Уезжают обратно на родину японские рабочие, уезжают довольные нормированным днём, хорошей зарплатой, увозят лучшие чувства и симпатии к Советскому Союзу. С другим чувством садятся на пароход рабочие японской фирмы Ничиро, где заработок вдвое меньше, где труд непосилен» [Известия, 1929, 4 октября].

Но от идеи политического влияния на японских рабочих советские большевики долго не отказывались, и Хабаровск обращался в Москву: «Ввиду отсутствия кадров работников, знающих китайский и японский языки, просить ЦК командировать в распоряжение Крайкома минимум 3 китайских и 3 японских работника» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 68].

С начала 1930-х годов росли противоречия в отношениях между государствами и ухудшались взаимоотношения между работавшими на предприятиях представителями двух народов. Бюро Дальневосточного Крайкома партии отмечало «Наличие организованного вредительства японской рабсилы под руководством своих Сендо, выразившегося в частых и совершенно необоснованных требованиях отправки обратно в Японию и проч.» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 101].

С 1929 г. японское правительство так же проводило политику ограничения японского труда на советских предприятиях. В декабре 1929 г. М.М. Литвинов докладывал И. В. Сталину: «В целях борьбы с всё развивающимся крабовым промыслом наших государственных предприятий, производимым с помощью плавучих консервных заводов, японское правительство издало распоряжение о том, что наём рабочих на подобного рода заводы может производиться лишь с санкции Министерства земледелия и лесов. Эта мера... имеет своей целью сорвать наши планы на 1930 год, предусматривающие увеличение количества наших плавучих крабоконсервных заводов с 4-х до 12-ти, что потребует до 3000 японских рабочих» [Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921–1931. Кн.1., 2007. с. 301]. На 1930 г. японское правительство обещало отпустить японских рабочих для обслуживания лишь 4 советских краболовов. В ответ на это Политбюро решило, в зависимости от дальнейшей политики Японии, ввести ряд мер, затруднявших приезд японских рабочих на русский берег: организовать санитарные осмотры приезжающих на японские промыслы рабочих, производить таможенные досмотры японцев, заменить коллективные визы для рабочих индивидуальными.

Новая политика в отношении японских рабочих на Дальнем Востоке была выработана в 1929 г. – в «Год Великого Перелома». В январе 1930 г. Далькрайком ВКП(б) принял резолюцию: «О завозе рабсилы для рыбопромышленности на сезон 30 года и мероприятиях по вытеснению японской рабочей силы» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 72]. В качестве первых мер было решено: «Завоз Японской рабсилы на 1930 год определить как максимум до 9000 чел» и «Не допускать применения японской рабочей силы на береговых работах и рыбных промыслах Николаевского округа» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 77]. Это было обусловлено изменением внешнеполитической обстановки и вызревaniem новых противоречий между двумя странами.

А уже в марте 1930 г. Крайком принял решение «Предложить фракции Крайисполкома Отдела Труда и Крайторгу в 2-х месячный срок разработать конкретные мероприятия по

полной замене японской рабочей силы в сезон 31 года и доложить в Бюро Крайкома» [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 143. Л. 78].

Политика сокращения японского присутствия не способствовала сохранению японского населения в СССР. Например, в Кербинском районе на Нижнем Амуре на 10 августа 1932 г. проживало 128 китайцев, 78 корейцев и 1 японец [ГАХК. Ф. П-2. Оп. 9. Д. 73. Л. 38].

В письме Л.М. Кагановича к И.В. Сталину от 11 сентября 1931 г. говорилось: «Японцы ответили нам на закрытие Чосен банка, причинившее нам до 4-х миллионов убытку, резким увеличением пошлин на экспортируемый нами лес... Розенгольд внёс предложение принять ряд мер, которые заставили бы японцев отменить эти пошлины. Он предложил: сократить импорт из Японии товаров (чай), ввести пошлины на зелёные чай... Конечно, такие меры с нашей стороны могут вызвать серьёзные осложнения в наших отношениях с Японией, и без того не особенно блестящих из-за рыбных дел. Мы вопрос отложили до 20-го и просим Вас сообщить свое мнение...» [Сталин и Каганович. Переписка..., 2001, с. 94]. И хотя глава Советского Союза И.В. Сталин традиционно отстаивал свою позицию – «С Японией нужно поосторожнее» [Сталин и Каганович. Переписка..., 2001, с. 103] – процесс ухудшения советско-японских отношений принял необратимый характер.

В 1934 г. было принято решение: «Транзитные поездки через СССР разрешить японским офицерам либо без остановки, либо в случае особой просьбы японского посольства в Москве, с разрешением 2–3 дневного пребывания в Москве. Разъездов по СССР и остановок таких транзитных пассажиров вне пути следования не допускать» [ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг., 2001, с. 127]. В 1936 г. Москва разрешила проехать через Сибирь в Европу и обратно для участия в Олимпийских играх в Германии 367 человек – японских спортсменов и зрителей. Таким образом, несмотря на ухудшение двусторонних отношений и ограничение допуска японцев в СССР, Сибирь, благодаря своему географическому положению, посещалась японцами и не была изолирована от российско-японских отношений.

Ещё в 1920-х годах японцы работали в университете во Владивостоке. В документах сохранились имена преподавателей Хироока, Сакоси Тецуя и др. [ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 74]. В начале 1930-х годов лаборантом кабинета японского языка в ДВГУ был Ямадзак Такиси [РГИА ДВ. Ф. р-289. Оп. 2. Д. 1624]. Однако в начале Второй мировой войны ДВГУ во Владивостоке был ликвидирован.

В феврале 1924 г. по подозрению в сборе разведывательной информации во Владивостоке были арестованы 15 граждан Японии и 10 граждан СССР, включая корейцев. В числе арестованных: трое сотрудников генконсульства Японии – вице-консул Т. Гундзи, переводчик Ц. Осакабэ и служащий управления по делам Кореи Р. Харута. С исполняющего обязанности генконсула сняты все полномочия. Переговоры вёл посланник Японии в Китае К. Йосидзава с Л.В. Караханом. 16 марта трое арестованных были депортированы с пожизненным запретом въезда в страну. Остальные депортированы либо освобождены 23 мая. И.о. генконсула Р. Ватанабэ был снят с должности, прекращено почтовое сообщение между СССР и Японией [Фунакава, 2010, с. 369].

Дальневосточный исследователь З.Ф. Моргун утверждает, что «окончательно японские иммигранты выехали из Владивостока в 1937 г. после того, как оставшихся в 30-е в одиннадцати японских семьях мужчины были арестованы НКВД. Приблизительно через год их освободили» [Моргун, 1993, с. 97–98].

На самом деле, к началу 1940-х годов японское присутствие в СССР сократилось до минимума. Это было связано как с отъездом японцев из России на родину из-за ухудшения двусторонних отношений, так и с массовыми политическими репрессиями конца 1930-х годов, когда большинство японских коммунистов были расстреляны или высланы из СССР [ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг., 2001]. Тем не менее, и к началу Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке России продолжали жить и работать, добровольно или будучи лишёнными свободы, сотни японцев.

С 1938 г. в советских лагерях отбывали наказание некоторые японские коммунисты, такие как Тэрасима Гидзо (Базарон Даша). Жена расстрелянного в 1939 г. коммуниста и режиссёра Сугимото Рёкити, Окада Ёсико была направлена в места заключения на 10 лет. В секретном списке 1941 г. «на прекращение розыска иностранцев и лиц без гражданства за 1940 г.» во Владивостоке указан разыскиваемый по списку за 1939 г. «Канчиро Нака, 1913 г.р., японск. поддан., 6/VII-36 г. осужден на 10 лет ИТЛ» [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 6. Л.32].

Избежавшие репрессий японские коммунисты в СССР осели в отдалённых районах страны. Например, коммунистка Сэки Мацу после ареста мужа Ямато Кэндзо и исключения из компартии, переехала в Уфу, где и находилась в начале войны.

Исследователи пишут: «В результате предложенный им² проект постановления был принят Политбюро ЦК ВКП(б) 13 марта 1939 г. В решении отмечалось: «1. Отказать проживающим в Западно-Сибирском крае иностранцам (при продлении вида на жительство) в праве дальнейшего проживания в Западно-Сибирском крае. В первую очередь провести это мероприятие по отношению к германским, японским и польским подданным. 2. Иностранцев подданных, уличённых в шпионской и диверсионной деятельности, арестовывать и предавать суду». Началась подготовка и к ограничению количества дипломатических представительств Германии, Японии, Польши и других государств на территории СССР» [Хаустов, 2008, с. 227]. В СССР осуждено 8 японцев, тюрьма заменена высылкой в Японию, но отложена из-за задержания японцами советских граждан [Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Кн.1, 2000. с. 218]. Это было обусловлено разрастанием конфронтации между мировыми державами, что впоследствии, в том же году, привело к войне.

Несмотря на это, всё же в начале 1940-х годов японское присутствие было заметным в связи с функционированием на Дальнем Востоке России консульских учреждений Японии и Маньчжоу-го.

Сразу же после восстановления отношений между двумя странами, советское правительство выразило согласие открыть японские консульства в следующих городах: Москва, Владивосток, Хабаровск, Александровск, Петропавловск (на Камчатке), Благовещенск, Николаевск-на-Амуре. Вскоре было открыто консульство и в столице Сибири.

Японские консулы в СССР на 1926 г.: во Владивостоке – генконсул Р. Ватанабе; в Хабаровске – и.о. генконсула Т. Кавасуми; в Благовещенске – консул Х. Хирацука; в Новосибирске – консул С. Симада; в Александровске на Сахалине – и.о. консула, драгоман

² Здесь речь идёт о проекте постановления, предложенном генеральным комиссаром госбезопасности Николаем Ивановичем Ежовым.

А. Судзуки; в Одессе – консул С. Сасаки [Торгово-промышленный бюллетень Дальнего Востока. № 3. 1926. 15 мая].

Во второй половине 1930-х годов в Советском Союзе проводилась политика ограничения мобильности японских официальных представителей и сокращения консульских учреждений. Например, в августе 1936 г. председатель Бийского горсовета получил предписание: «Чтобы он Зенков на попытки японца посетить какие-либо предприятия или выехать на тракт, отказал ему если не будет прямого указания из края» [ГАНУ. Ф.Р-47. Оп.5. Д.217. Л.193]. Консул Я. Коянаги жаловался: «12-го Июня с.г. Секретарь Сайто и Сотрудник Одагири, пользуясь отпуском, попутешествовали по Кузбассу. С момента их выезда с поездом от ст. Новосибирска встретилось с такими неприятными фактами: за ними следили охранители НКВД, которые близко с Секретарями сидели или стояли постоянно рядом с ними... препятствовали им в ознакомлении с городом... на ст. Топки охранители препятствовали Секретарям в покупке проездных билетов... 4-го сего Июля Секретарь Танака и Одагири поехали с пароходом в Томск, обратились к Директору гостиницы №1 в Томске о предоставлении им комнату, то несмотря на то, что директор обеспечил им комнату №10, выдавая им пропуск и взыскал с них 32 руб. на двое суток, через 4 часа Директор неожиданно отказался от своих слов...» [ГАНУ. Ф.Р-47. Оп.5. Д.217. Л.139 – 140].

В начале 1937 г. заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков в письме советскому полпреду в Японии К.К. Юреневу сообщил: «Мы хотели бы закрыть японские консульства в Новосибирске и в Одессе, которые, не имея никакой консульской работы, исключительно являются центрами самого злостного шпионажа и ложной информации своего правительства» [Русско-китайские отношения в XX в. Т. III, 2010, с. 618]. Действительно, в Сибири практически не было японского населения, и двусторонние торгово-экономические отношения были незначительны. Руководство Японии было против закрытия консульства в Новосибирске, но в августе 1937 г. последовала Нота НКВД посольству Японии о закрытии двух японских консульств в соответствии с принципом равного представительства. В Москве было принято решение о непризнании с 15 сентября за японским консулом в Новосибирске права выполнения им консульских функций.

На Дальнем Востоке, в отличие от Сибири, японское присутствие в конце 1930-х годов оставалось значительным, поэтому сокращение японских представительств было не столь радикальным.

9 февраля 1938 г. НКВД сообщил, что в связи с сокращением консульских учреждений за границей, решено из 6 консульств в Японии оставить 3, а в Кобе, Отаву и Дайрене закрыть. Рекомендовано закрыть японские консульства в Благовещенске, Хабаровске и на Сахалине (в Александровске или Охе), оставить во Владивостоке, Петропавловске и на Сахалине [Русско-китайские отношения в XX веке. Т. IV. Кн. 1, 2000. с. 206].

Таким образом, в конце 1930-х годов японские консульства сохранились во Владивостоке, на Камчатке и Сахалине. В 1937 г. генеральным консулом во Владивосток был назначен первый секретарь японского посольства в Москве Ситида Мотохару, переведённый в 1940 г. в посольство в Москве. В 1941 г. состав японского консульства в Петропавловске-Камчатском был следующим – и. д. консула Ясуки Икута, секретари Хигураси Набонури и Сайто Тадаси, повар Хосимото Исаму, сторож Такамацу Такео с женой Такамацу Хама. В апреле 1942 г. на Камчатку приехал новый консул – Такано Токичи. Состав консульства часто менялся, на зиму дипломаты уезжали с Камчатки, лишь сторож Такамацу Такео

с 1930 по 1946 гг. безвыездно жил в Петропавловске. Консульство в Александровске на Сахалине до 1940 г. возглавлял Танака Бунитиров, затем – Накада Кичитаро.

В Благовещенске и Чите в начале Второй мировой войны продолжали работать консульства Маньчжоу-го, формально возглавляемые маньчжурскими китайцами, но управлявшиеся вице-консулами японцами. Читинский исследователь истории спецслужб пишет: «В 1940 году вице-консулом стал Масамичи Агата. Во 2-м отделе Генштаба его знали, как майора Акабори... В 1940–1944 годах должностями секретаря, а потом вице-консула прикрывали деятельность квалифицированного разведчика капитана Курихару... В паре с ним работал капитан Морикава...» [Соловьев, 2002, с. 224]. Тот же исследователь В.А. Соловьев указывает, что консул Хисамацу Ичиро, сменивший в 1942 году Ку-Чун-Сана, был полковником 2-го отдела Генштаба Японии, а его настоящая фамилия Мацудайро. В 1943 г. в консульстве Маньчжоу-го в Чите было 8 чиновников – японцев, 6 членов их семей и четверо слуг-китайцев. Согласно списку личного состава «Консульства Маньчжоу-Ти-Го в гор. Благовещенске», должность консула с июля 1941 г. занимал Чжао Дэ-вэй. Почти все остальные должности, кроме дворника в 1941 г. занимали японцы: вице-консулы Хираки Синзо и Кавабэ Иогоро, секретари консульства Хама Кесато и Исида Сабуро, шофер Имура Сиро, 31 год, прибыл в апреле 1941 г. [ГАНУ. Ф. 81. Оп. 11. Д. 1. Л. 2].

Наиболее заметным японское присутствие на территории СССР в начале Второй мировой войны оставалось на Камчатке и Северном Сахалине. Связано это было с сохранением японских концессий в этих регионах. Проводя политику сокращения японского присутствия на территории СССР, советское руководство вынуждено было в этом вопросе быть особенно осторожным. Ещё в 1934 г. полпред СССР в Японии К.К. Юренев напоминал заместителю наркома иностранных дел Г.Я. Сокольникову: «"Рыбный" участок интересов Японии является для неё исключительно важным и поэтому японское правительство может пытаться вести в отношении нас твёрдую линию, опираясь на сочувствие "народа"» [Русско-китайские отношения в XX в. Т. III., 2010, с. 275].

В 1936 г. истекал срок действия рыболовной конвенции 1928 г. 26 мая 1935 г. японское правительство официально заявило о своём желании пересмотреть старую конвенцию. Переговоры закончились в ноябре 1936 г. парафированием соглашения Сако–Козловский. Однако, в связи с заключением в это время Японией так называемого Антикоминтерновского пакта с Германией, который официально был направлен на препятствия деятельности Коминтерна, но на деле же сопровождался секретным соглашением, в котором предусматривались совместные меры борьбы против СССР, отношения между СССР и Японией были основательно испорчены, и советское правительство отказалось утвердить парафированное обеими сторонами рыболовное соглашение.

С 1936 по 1940 г. действие старой конвенции ежегодно пролонгировалось временными соглашениями. Следует отметить, что в течение этого периода японское правительство неоднократно пыталось добиться утверждения советским правительством уже парафированного в 1936 г. соглашения или начать переговоры о заключении новой конвенции.

Проблема заключения новой конвенции нашла отражение в периодической печати. К примеру, 14 августа 1939 г. в газете «Красноярский комсомолец» появилась статья под заголовком «Договор между профсоюзом нефтяников и японским концессионером заключен», в которой была информация о том, что 11 августа в Москве подписан

коллективный договор между союзом рабочих нефтепромыслов и японским акционерным обществом северо-сахалинской нефти. Переговоры начались 4 ноября 1938 г.

«Народный Комиссариат топливной промышленности, идя навстречу японской стороне, разрешил нефтяному концессионеру завести дополнительно 300 японских рабочих на нефтепромыслы... Наркомтоп разрешил и угольному комиссионеру завести дополнительно 150 японских рабочих» [Красноярский комсомолец. 1939. 14 августа].

Документы Архива внешней политики РФ указывают на интенсивные переговоры по рыболовным вопросам, по проблемам угольной и нефтяной концессий. В Архиве внешней политики РФ имеются документы о «рыболовных торгах, изъятиях, закрытии и открытии рыболовных участков» в 1941 г. [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 206].

Здесь следует отметить, что советская пресса в это время обвиняла японцев в неправомерном свертывании своего присутствия. В июле 1939 г. в различных советских газетах было опубликовано сообщение из Владивостока: «Решение суда о нарушении японскими концессионерами прав советских трудящихся». Например, в газете «Известия» была опубликована статья «Владивосток, 10 июля. На северном Сахалине в Дуэ, вблизи города Александровска, имеется японская угольная концессия, принадлежащая обществу “Кита Карафуто Когио Кабусик и Кайся”. Концессионер обязан, согласно угольного концессионного договора, снабжать рабочих и служащих своего предприятия и их семьи продуктами и товарами широкого потребления. Это снабжение рабочих и служащих угольных концессий и их семей должно проводиться по определённым нормам, предусмотренным коллективным договором профессионального союза угольщиков с японским концессионным обществом. Начиная с осени 1937 г. угольный концессионер приступил к свертыванию деятельности концессий. Одновременно с этим администрация концессии стала на путь систематического ухудшения экономического положения рабочих, с целью принудить их к уходу с концессии по собственному желанию...» [Известия. 1939. 11 июля].

Ещё одним новшеством, признанным нарушением арендных договоров, стало обнаруженное в 1941 г. такое «повсеместное явление», как впервые вскрытый в прошлом году «факт обезглавливания кеты». Об этом распорядилось руководство Ничиро с целью экономии соли, тары и увеличения за этот счёт выхода продукции. Головы кеты ценности не представляли, поэтому для фирмы было выгоднее реализовать рыбу, приготовленную без них [Алепко, 1966, с. 74].

Советские рыбинспекторы составляли акты и квалифицировали эти действия японцев как «неправильный учёт продукции» или «неустановленный способ приготовления кеты». Они полагали, что «для нас это нововведение невыгодно. За счёт общего веса всех отрезанных голов кеты японцы могут искусственно увеличить норму улова»³. Рыбинспекторский состав и таможенники в 1941 г. размещались на японских предприятиях, поэтому контроль за их деятельностью был более эффективным.

³ Впервые обезглавленную рыбу засолили в качестве опыта на восточном побережье в 1941 г. Опыт оказался удачным. Администрация базы № 729 обратилась за разрешением к инспектору Дальрыбы, на что тот «дал санкцию, вселив тем самым в японцев уверенность в безнаказанности данного способа посола». Так японцы увеличили «количество и качество готовой продукции. Голова рыбы, в среднем, весит 300 г, следовательно, японцы получили прибыль... за счет отброса голов, так как головы не используются для тука, а закапываются в ямы, и в вес отправленной в Японию готовой продукции не входят» [Японо-Российские отношения...].

20 июня 1940 г. советское правительство сообщило японской стороне основные условия, на базе которых могла бы быть заключена новая рыболовная конвенция. Дальнейшие переговоры велись на базе этих условий и продолжались в течение 1940 г. и 1941 г. Но в июне 1941 г., в связи с нападением Германии на Советский Союз, переговоры были прерваны до 1943 г. После возобновления переговоров советская сторона обращала внимание своих японских партнеров на то, что в 1942 г. только 15 из 149 рыболовных участков, которые были предоставлены Японии, эксплуатировались японскими рыбопромышленниками, а в 1943 г. эксплуатация ими этих рыболовных участков была полностью прекращена [Зиланов, 1995, с. 93].

Накануне войны было принято решение о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине, но в октябре 1941 г. нефтяные концессии были продлены. Исследователь Ч. Инаба указывает на документ из Архива внешней политики РФ за 1941 г.: «Заявление вице-министра иностранных дел Японии Охаси о “незаконной репрессии в отношении японских концессионных предприятий”. О ликвидации концессии» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 210]. Японский исследователь перечисляет несколько архивных дел, в которых имеются документы, отражающие множество проблем и противоречий в советско-японских отношениях по вопросам концессий накануне войны, в 1941 г. Японские концессии на Северном Сахалине были заморожены лишь в 1943 г., тогда же резко сократились и японские рыболовные промыслы на Камчатке.

На японских рыболовных, угольных и нефтяных концессиях на Северном Сахалине вместе с русскими рабочими трудились и японцы. Поэтому в числе проблем советско-японских отношений в начале Великой Отечественной войны были «вопросы труда и медицинского обслуживания японских рабочих» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 216].

Ежегодно в летний сезон японские рабочие массово приезжали на рыбзаводы на Камчатке. Исследователи указывают: «В навигационный период 1940 г. на рыболовные участки, арендуемые японцами на Камчатке, прибыли, а потом выехали в Японию 35 146 человек, принято и отправлено 638 японских судов... В 1941 г. на японских рыбалках было задействовано 17 483 человека. 107 японских судов сделали 573 захода...» [Маковский, 2015, с. 119].

В 1940 г. на Северном Сахалине функционировали две японские концессии – угольная «Кита Карафутто Коогйо» и нефтяная «Кита Карафутто Секию». По условиям концессионных договоров японцы могли привозить на концессионные предприятия свою рабочую силу. Например, в 1938 г. на концессионных нефтепромыслах в числе 2734 рабочих был 471 японец [Шалкус, 2009, с. 62]. В 1940 г. на японской нефтяной концессии работало 53 японца – работника высшей квалификации, и 39 японцев – работников средней и высшей квалификации [Шалкус, 2009, с. 63]. На угольной концессии на Сахалине к началу 1943 г. продолжали работать 80 японцев [Юдина, 2009, с. 110].

Согласно документам Архива внешней политики РФ накануне и в начале Великой Отечественной войны актуальным был такой вопрос, как «Режим японских представителей и граждан в СССР» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 203]. Работавшие на советской территории японцы вызывали беспокойство советских властей. Отчасти это было вызвано хорошей организацией труда, высокой зарплатой и хорошими условиями жизни, в сравнении с советскими. Исследователи отмечают, что «не только среди рабочих,

но среди партийных руководителей региона в местных органах власти были явно прояпонские настроения» [Исаев, 2009, с. 80]. Присутствие мужчин призывного возраста на советской территории в то время не могло не восприниматься как угроза безопасности. В советском внешнеполитическом ведомстве в конце 1941 г. рассматривался вопрос «О военных занятиях, проводившихся японцами на рыбопромыслах» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 212]. Дальневосточные исследователи указывают: «В период 1941–1942 гг. японские граждане периодически угрожали советским работникам тем, что скоро в г. Оху и другие населённые пункты придут японские солдаты, которые будут русских девушек и женщин насиловать, а всем мужчинам будут разбивать головы» [Исаев, 2009, с. 81]. В фондах Архива внешней политики РФ хранятся документы «О задержании японцев в Охе», «Об аресте японских граждан за нарушение правил эксплуатации месторождений. О грубом обращении японцев с советскими служащими на концессии и выселении японцев» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 210–211].

Одним из главных центров русско-японских отношений и японского присутствия в России в начале 1940-х годов оставался город Владивосток. Во время войны город Владивосток, как военно-морской порт, был закрытым, соответственно нахождение здесь японцев, как и иностранцев вообще, было крайне редким случаем. С началом Великой Отечественной войны численность иностранцев, в том числе и японцев, в Приморье почти не изменилась, немного уменьшившись. 18 марта 1941 г. во Владивостоке фиксировалось 13 иностранцев, на 3 апреля 1941 г. в столице Приморья находилось 12 иностранцев. В декабре 1941 г. в Приморском крае проживали 11 иностранцев [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 57]. В числе иностранных жителей Владивостока в конце 1941 г. тогда были японская подданная Мария-Юке 1886 года рождения, Накаба Минору, 1908 года рождения и Накаба Камико 1911 года рождения [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 9, 13].

Во время Великой Отечественной войны во Владивостоке имелось представительство рыбопромышленной фирмы «Ничиро» во главе с Иосида Сейзо (1893 г.р.) [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 70]. В 1941 г. во Владивосток для работы в этой рыбопромышленной фирме прибыли три японца – Отцуда Такаси, Иосида Сейзо и Текутаке Иосинобу. Документы свидетельствуют, проживавшему во Владивостоке сотруднику японской рыбопромышленной фирмы «Ничиро» Отцука Такаси (1916 г.р.) 6 октября 1941 г., продлили вид на жительство до 6 апреля 1942 г. [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 148].

К началу Великой Отечественной войны заметное место в двусторонних отношениях занимали проблемы задержанных в прибрежных водах обеих стран морских судов. В Архиве внешней политики Российской Федерации хранятся документы за 1940 г.: «Справка о японских судах «Миоко-Мару» и «Хакуйю-Мару» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 201]. В апреле 1941 г. в территориальных водах СССР были задержаны шхуны «Эйсе-Мару» и «Дайсанчаокичи-мару». В начале Второй мировой войны, согласно документам, хранящимся в Государственном архиве Приморского края, были задержаны шхуны «Хокуйю-Мару», «Мейкоу-Мару», «Хокусен-Мару». В документах Архива внешней политики РФ имеются дела о «захвате и задержании советских судов и граждан в Японии и переговорах об их освобождении [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 206], «списки советских граждан и японцев, задержанных обеими сторонами» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 459] и др. Ч. Инаба указывает на архивное дело 1941 г.: «Справка о японском подданном Сибаро Сидзиро. Задержание японских шхун... Справка об

осужденных японских подданных Мурата и Иосида» [Советско-японские дипломатические отношения, 1996, с. 209].

После начала Великой Отечественной войны советская сторона пошла на уступки Японии в вопросах освобождения и отправки на родину экипажей, задержанных в 1939–1941 гг. японских судов. Уже в июле 1941 г. для большинства членов задержанных японских кораблей во Владивостоке были сделаны выездные визы. Дипломатический агент НКВД во Владивостоке Анкудинов писал начальнику ОВИР Козловой: «Прошу Вас продлить срок выездных виз, выданных Вам ранее, следующим членам японских команд этих же шхун: 1. Кавабэ Ясутаро 2. Китамура Токудзо 3. Аоки Метаро 4. Ямамото Дзюичи 5. Оточи Гензо 6. Итоу Эйчи 7. Ватанабэ Чоичи 8. Такено Казумаса 9. Накасима Иао 10. Итоу Сигенори 11. Хамабэ Хэйтаро 12. Китамура Минео 13. Кобаяси Нобу. Все перечисленные японцы передаются нами 29 июля с. г. Японскому консулу, для выезда их в Японию» [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 61].

В первые месяцы войны советские органы на Дальнем Востоке оперативно решили вопросы освобождения многих арестованных в прошлые годы японцев. 27 августа 1941 г. начальник ОВИР получила из Дипломатического агентства НКВД во Владивостоке предписание: «Препровождая при сем 7 удостоверений японских подданных, членов команд японских шхун: Шхуна «Хокуйо-Мару» 1. Акияма Сигетада 2. Уеда Кумадзо. Шхуна «Мейкоу-Мару» 1. Косака Тамедзо 2. Хатанака Тахакей. Шхуна «Хокусен-Мару» 1. Масуда Масадзиро 2. Мицуо Сендзю 3. Сакамото Томио, осужденных судебными органами СССР к различным срокам заключения в 1939 и 1940 гг. Указанные лица, освобождённые досрочно и передаются сегодня 27 августа с.г. Японскому Консулу на п/х. «Кахоку-Мару». Прошу Вас срочно выдать им выездные визы» [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 52]. В тот же день японцы получили выездные визы. 28 августа в ОВИРе выдали визы на выезд капитанам и некоторым членам команд шхун «Эйсе-Мару», «Дайсанчаокичи-Мару» и др. В числе выдворяемых освобождённых из заключения японцев были капитан Савада Зироичи, помощник капитана Танака Киюичи, ловец шхуны Харада Киичи и др. [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 125].

Процесс освобождения арестованных японских моряков продолжался осенью 1941 г. В октябре 1941 г. Дипломатический агент НКВД во Владивостоке просил ОВИР выдать выездную визу члену команды японской шхуны «Хакуйю-Мару» – Тераучи Джинтаро. В документе говорилось: «Тераучи Джинтаро освобождается досрочно советской стороной на основе соглашения обеих сторон об обмене членов команд советских судов на членов команд японских шхун» [ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 154].

Таким образом, накануне и в начале Великой Отечественной войны на Дальнем Востоке России оставалось заметным японское присутствие. Наличие японских концессий, на которых вместе с русскими работали японцы, а также значительное число задержанных и находящихся в СССР японских подданных, были основанием для сохранения японских консульских учреждений в регионе. В начале Великой Отечественной войны взаимоотношения между советскими и японскими представителями стали более активными и гибкими, советская сторона чаще шла на уступки, всё это позволило быстро решить некоторые проблемы и смягчить напряжённость в двусторонних отношениях. Японское присутствие на Советском Дальнем Востоке в начале 1940-х годов оставалось важным фактором двухсторонних отношений, который сыграл важную роль в дальнейшем развитии двусторонних отношений в последующий период.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аленко А.В.* О роли иностранного предпринимательства в хозяйственном освоении русского Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. // Гродековские чтения. Хабаровск, 1966. С. 74.
- ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 808 с.
- Голос Родины. 1923. 13 января.
- Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-96, Оп. 2, Д. 93, Л. 3.
- Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 81. Оп. 11. Д. 1. Л. 2.
- ГАО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 217. Л. 139 – 140, 193.
- Государственный архив Приморского края. Ф. 163, Оп. 1, Д. 6, Л. 32.
- ГАПК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 8. Л. 9, 13, 52, 57, 61, 125, 148, 154.
- ГАПК. Ф. 117. Оп. 3. Д. 74.
- Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П-2, Оп. 1, Д. 143, Л. 67, 68, 72, 77, 78, 101.
- ГАХК. Ф. П-2. Оп. 9, Д. 73, Л. 38.
- Зачистка Дальнего Востока от азиатов. URL: <https://aloban75.livejournal.com/1416682.html> (дата обращения: 11.11.2018).
- Зиланов В.К.* Русские Курилы: история и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 1995. 181 с.
- Известия. 1929. 4 октября.
- Исаев А.А.* Социально-политические настроения на японских концессиях о. Сахалин в 1930-е – начале 1940-х гг. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 4. С. 78–82.
- Красноярский комсомолец. 1939. 14 августа.
- Маковский А.В.* Проблемы организации советского контроля японских рыболовных промыслов (конец 20-х – 30-е гг. XX века) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52). Ч. 1. С. 116-120.
- Моргун З.Ф.* Владивосток и японцы. Исторический очерк // Россия и АТР. 1993. № 2. С. 97–98.
- Москва-Токио. Политика и дипломатия Кремля 1921-1931. Сб. док. В двух книгах / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. Кн.1. М.: Наука, 2007. 757 с.
- Петрова О.П.* Вспоминая Невского // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб., 1996. С. 520–525.
- Советско-японские дипломатические отношения (1917–1962 гг.), каталог документов (по материалам Архива внешней политики Российской Федерации) / сост. Ч. Инаба. Токио: Наука Лтд, 1996. 540 с.
- Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-2413, Оп. 4. Д. 1174. Л. 15.
- РГИА ДВ. Ф. р-289. Оп. 2. Д. 1624.
- Русско-китайские отношения в XX в. Т. III: Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 861 с.

Русско-китайские отношения в XX веке. Т.IV. Кн.1. Советско-китайские отношения в 1937–1944. М.: Памятники исторической мысли, 2000. 870 с.

Соловьев А.В. Борьба забайкальских контрразведчиков с японскими спецслужбами. URL: <http://www.diary.ru/~Samuray-08/p165290234.htm> (дата обращения: 09.10.2018).

Соловьев А.В. Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: Изд-во «Русь», 2002. 544 с.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. / сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с.

Такамура Айка. Японская иммиграция на российский Дальний Восток во второй половине XIX — первой трети XX в. (по источникам и литературе на японском языке) / автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Владивосток, 2007. 26 с.

Торгово-промышленный бюллетень Дальнего Востока. № 3. 1926. 15 мая.

Фунакава Харухи. Об инциденте с арестом сотрудника генерального консульства Японии во Владивостоке // Россия и Япония. Сб. ст. Вып. 8. Токио, 2010. С. 369.

Хаустов В.Н. Иностранцы и советские граждане иностранного происхождения – потенциальные «Агенты буржуазных разведок» // Исторические чтения на Лубянке: 1997–2008. М.: Кучково поле, 2008. С. 227.

Шалкус Г.А. Источники формирования и положение контингента рабочей силы на концессионных промыслах (1925–1944 гг.) // Ученые записки Сахалинского государственного университета. 2009. № 1 (8). С. 62–68.

Юдина Т.В. Концессионная политика и практика на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг.: компромиссы и результаты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 3. С. 107–113.

Японо-Российские отношения: документы для сборника материалов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. URL: <http://www.ru.emb-japan.go/EMBASSY/index.html> (дата обращения: 11.01.2018).

REFERENCES

Alepko, A.V. (1966). O roli inostrannogo predprinimatel'stva v khozyaystvennom osvoenii russkogo Dal'nego Vostoka vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [On the role of foreign business in the economic development of the Russian Far East in the second half of the 19th – early 20th century], *Grodekovskiye chteniya*, Khabarovsk. (In Russian).

Funakawa, Haruhi (2010). Ob intsidente s arestom sotrudnika general'nogo konsul'stva Yaponii vo Vladivostoke [About the incident with arrest of an employee of the Consulate General of Japan in Vladivostok], *Rossiya i Yaponiya. Sb. st, Is. 8*, Tokyo. (In Russian).

Golos Rodiny. 1923. 13 yanvaryaya. [The Voice of the Motherland. 1929. 13 January]. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya [State archive of Khabarovsk Krai]. Fond P-2, Opis' 1, Delo 143, List 67, 68, 72, 77, 78, 101. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Khabarovskogo kraya [State archive of Khabarovsk Krai]. Fond P-2, Opis' 9, Delo 73, List 38. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]. Fond R-47. Opis' 5. Delo 217. List 139 – 140, 193. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti [State archive of Novosibirsk region]. Fond 81. Opis' 11. Delo 1. List 2. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya [State archive of Primorsky Krai]. Fond 117. Opis' 3. Delo 74. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya [State archive of Primorsky Krai]. Fond 163. Opis' 1. Delo 6, List 32. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Primorskogo kraya [State archive of Primorsky Krai]. Fond 163. Opis' 1. Delo 8, List 9, 13, 52, 57, 61, 125, 148, 154. (In Russian).

Gosudarstvennyy arkhiv Zabaykal'skogo kraya [State archive of Zabaikalsky Krai]. Fond R-96, Opis' 2, Delo 93, List 3. (In Russian).

Isayev, A.A. (2009). Sotsial'no-politicheskiye nastroyeniya na yaponskikh kontsessiyakh o Sakhalin v 1930-e – nachale 1940-kh gg. [Socio-political sentiments in the Japanese concessions of Sakhalin island in the 1930s – early 1940s.], *Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya*, 4: 78–82. (In Russian).

Izvestiya. 1929. 4 oktyabrya [Izvestia. 1929. 4 October]. (In Russian).

Khaustov, V.N. (2008). Inostrantsy i sovetskiye grazhdane inostrannogo proiskhozhdeniya – potentsialnyye «Agenty burzhuaznykh razvedok» [Foreigners and Soviet citizens of foreign origin-potential “Agents of bourgeois intelligence”], *Istoricheskiye chteniya na Lubyanke: 1997–2008*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

Krasnoyarskiy komsomolets. 1939. 14 Augusta [Krasnoyarsk Komsomolets. 1939. 14 August]. (In Russian).

Makovskiy, A.V. (2015). Problemy organizatsii sovetskogo kontrolya yaponskikh rybolovnykh promyslov (konets 20-kh – 30-e gg. XX veka) [Problems of the organization of the Soviet control of Japanese fisheries (the end of the 20s–30s of the 20th century)], *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, Tambov: Gramota, 2 (52), Part. 1: 116–120. (In Russian).

Morgun, Z.F. (1993). Vladivostok i yapontsy. Istoricheskiy ocherk [Vladivostok and Japanese. Historical summary], *Rossiya i ATR*, 2: 97–98. (In Russian).

Moskva-Tokio. Politika i diplomatiya Kremlya 1921–1931. Sb. dok. V dvukh knigakh. Kn.1 [Moscow-Tokyo. Politics and diplomacy of the Kremlin 1921–1931. Collection of documents in 2 volumes. Vol. 1] (2007). Ed by G.N. Sevostyanov Moscow: Nauka. (In Russian).

Petrova, O.P. (1996). Vspominaya Nevskogo [Memoirs of the Nevsky], *Peterburgskoye vostokovedeniye*, Is. 8, Saint Petersburg. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka [The Russian state historical archive of the Far East]. Fond r-2413, Opis' 4, Delo 1624. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Dal'nego Vostoka [The Russian state historical archive of the Far East]. Fond R-289, Opis' 2, Delo 1174, List 15. (In Russian).

Russko-kitayskiye otnosheniya v XX v. T. III: Sovetsko-kitayskiye otnosheniya (sentyabr' 1931 – sentyabr' 1937 gg.). [Russian-Chinese relationship in the 20th century. Vol. 3. Soviet-Chinese relationships (September 1931 – September 1937)]. (2011). Ed. by S.L. Tikhvinskiy, Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russian).

Russko-kitayskiye otnosheniya v XX veke. T.IV. Sovetsko-kitayskiye otnosheniya v 1937–1944 gg. Kn. 1. [Russian-Chinese relations in the 20th century. Vol. 4. Soviet-Chinese relations (September 1931 – September 1944). Part 1] (2000). Ed. by S.L. Tikhvinskiy, Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. (In Russian).

Shalkus, G.A. (2009). Istochniki formirovaniya i polozheniye kontingenta rabochey sily na kontsessionnykh promyslakh (1925–1944 gg.) [The sources of formation and the position of workforce in concessions (1925–1944)], *Uchenyye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (8): 62–68. (In Russian).

Solov'yev, A.V. (2011). Bor'ba zabaykal'skikh kontrrazvedchikov s yaponskimi spetssluzhbnami [The struggle of transbaikalian counterintelligence with Japanese intelligence], Press release, 7 August, URL: <http://www.diary.ru/~Samuray-08/p165290234.htm?oam>. (accessed: 09 October 2018). (In Russian).

Solov'yev, A.V. (2002). Trevozhnyye budni zabaykal'skoy kontrrazvedki [Restless days of transbaikalian counterintelligence], Moscow: Izd-vo «Rus'». (In Russian).

Sovetsko-yaponskiye diplomaticheskiye otnosheniya (1917–1962 gg.), katalog dokumentov (po materialam Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii) / otv. red. Ch. Inaba [Soviet-Japanese diplomatic relations (1917–1962), catalogue of documents (based on the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation) / Ed. Ch. Inaba] (1996). Tokyo: Nauka Ltd. (In Russian).

Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg. [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. (2001). Ed. by O.V. Khlevnyuk, R.U. Devis, L.P. Kosheleva, E.A. Ris, L.A. Rogovaya, Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Takamura, Aika (2007). Yaponskaya immigratsiya na rossiyskiy Dal'niy Vostok vo vtoroy polovine XIX — pervoy treti XX v. (po istochnikam i literature na yaponskom yazyke) / avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [Japanese immigration to the Russian Far East in the second half of the 19th — the first third of the 20th century (based on Japanese sources and literature) / summary of thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences], Vladivostok. (In Russian).

Torgovo-promyshlennyy byulleten' Dal'nego Vostoka. No 3. 1926. 15 Maya [Trade and industrial Bulletin of the Far East. No. 3. 1926. 15 May]. (In Russian).

VKP(b), Komintern i Yaponiya. 1917–1941 gg. (2001) [CPSU (b), The Comintern, and Japan. 1917 – 1941], Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Yudina, T.V. (2016). Kontsessionnaya politika i praktika na Dal'nem Vostoke v 1920–1940-e gg.: kompromissy i rezultaty [Concession policy and practice in the Far East in the 1920s–1940s: compromises and results], *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya*, 3: 107–113. (In Russian).

Zilanov, V.K. (1995). Russkiye Kurily: istoriya i sovremennost'. Sbornik dokumentov po istorii formirovaniya russko-yaponskoy i sovetsko-yaponskoy granitsy [Russian Kuril Islands: past and present. Collection of documents on the history of the Russian-Japanese and Soviet-Japanese border], Moscow. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.05.2019

Received 10 May 2019

Для цитирования: Дацышен В.Г., Ипеева А.А. Японское присутствие на Дальнем Востоке России накануне и в начале Второй мировой войны // Японские исследования. 2019. №2. С. 109–126. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10014

For citation: Datsyshen V.G., Ipeeva A.A. (2019). Yaponskoye prisutstviye na Dal'nem Vostoke Rossii nakanune i v nachale Vtoroy mirovoy voyny [Japanese presence in the Far East of Russia on the eve and at the beginning of the Great Patriotic War], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2019, 2: 109–126. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10014